

Мы предполагаем, что данный обряд возник как эмпирический способ сохранения объектов культа, а народная традиция придумала ему соответствующие мифологические обоснования. Для полевой стелы этот ритуал сохранялся только в вербальной формуле: «Я помажу тебе голову жиром».

Говоря о стеле, поставленной в поле, обратим внимание еще на одну деталь, упоминавшуюся выше при описании связанного с ней ритуала: в качестве награды, в знак благодарности за «содействие» в получении хорошего урожая хозяин пашни повязывал ей «пояс» — жгут соломы. Разгадать смысл этого «пояса» трудно; однако надо отметить, что «пояс» являлся обязательной деталью всех каменных «баб» в изучаемом регионе. Возможно, повязывая «пояс» стеле с еле угадываемым антропоморфным обликом, жнец уподоблял ее древнейшим, реально антропоморфным праобразам.

Примечания

¹ Материалы хранятся в личном архиве автора.

² О вариантах этого обычая см. также Булатова А. Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX — начале XX века. Л., 1988. С. 89, 90.

³ См. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1980, С. 442—447.

⁴ См. Гаджиев М. Г., Маммаев М. М. Каменное антропоморфное изваяние из Экибулака // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977. С. 52—57.

⁵ Термин «совиность» употребляет А. А. Шепинский для Т-образного способа изображения носа и бровей, придающего личинам некоторых каменных «баб» совиный облик. См. Шепинский А. А. Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму // Сов. археология. 1958. № 2. С. 143.

⁶ Описание их см. Гаджиев М. Г., Маммаев М. М. Указ. раб. С. 52—57; Давудов О. М. Археологические раскопки в Табасаране (отчет об итогах археологических работ Центральноедагестанской экспедиции в Табасаранском р-не за 1980 г.). Рук. фонд Ин-та ИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 543, л. 14.

⁷ См.: Богаевский Б. Земледельческая религия Афин. Пгр., 1916.

⁸ См.: Булатова А. Г. О некоторых семейных и общесельских обрядах народов горного Дагестана в XIX — начале XX в., связанных с весенне-летним календарным циклом // Семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1980. С. 98.

⁹ Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1980. С. 94.

¹⁰ Булатова А. Г. Лакцы. Махачкала, 1971. С. 179.

¹¹ См.: Булатова А. Г. Лакцы. С. 178.

¹² См.: Демирханян А. Р. Аванский идол и символическо-космологические представления древней Армении // V Республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Тез. докл. Ереван, 1982. С. 307.

¹³ См.: Тацит. История / Пер. Модестова В. И. СПб., 1886.

З. К. Тарланов

ЛЕКСИКО-ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ЭТНОГЕНЕЗУ ВОСТОЧНОЛЕЗГИНСКИХ НАРОДОВ

Важная роль языковых данных для изучения истории народа общепризнана. И это понятно, ибо в языке, хотя и сжато, отражаются разные стороны его жизни, главные этапы экономического, культурного и социального развития. Вдумчивое, скрупулезное и критическое использование сведений, предоставляемых языком, открывает перед исследователем широкие возможности для проникновения в историю, в том числе и в отдаленные ее периоды, не подтверждаемые документами.

Языковые факты и свидетельства, пусть даже скудные, нередко оказываются чуть ли не единственной опорой при изучении древнейших этапов истории народа.

Роль и значение языковых показаний особенно возрастают при исследовании истории народов бесписьменных, а также обретших письменность лишь в недавнем прошлом. В этом отношении очень характерен Дагестан, где, как известно, с давних времен представлено несколько десятков народов, генезис и древняя история которых до сих пор остаются во многом неизученными. Исследование ее наталкивается на большие трудности, связанные в первую очередь с малым числом или отсутствием письменных памятников. Хотя сложившаяся этнологическая традиция исходит из того, что все дагестанские народы восходят к некогда единой этнической общности, мы не располагаем еще ответами на многие вопросы: когда эта общность существовала? Каковы последовательность и время распада ее на последующие этнические единицы? С каких пор существует та этническая картина, которая представлена в Дагестане в настоящее время? Какова история расселения дагестанских народов? На какие-то из этих и подобных вопросов можно попытаться ответить, используя свидетельства языка. Лишь они в состоянии предоставить в распоряжение исследователя хоть какие-то факты, которые при осторожном и внимательном их толковании вполне проливают свет не только на историю хозяйственной деятельности, права, философии и культуры народа, но и на его происхождение, историю контактов с другими народами.

Ниже предлагаются некоторые соображения об этногенезе восточнолезгинских народов Дагестана, преимущественно агулов, по данным главным образом агульского языка.

Агулы — одна из этнических групп лезгин, населяющих южную часть Дагестанской АССР и некоторые районы на севере Азербайджанской ССР. Традиционно агулы жили компактно высоко в горах. По современному административному делению — это Агульский район и примыкающая к нему часть Курахского района; в настоящее время они живут не только в названных районах, но также в Дербентском (переселенцы 1960-х годов), в Киргизской ССР (переселенцы 1930-х годов), в г. Сумгаите Азербайджанской ССР, в городах Махачкале и Каспийске Дагестанской АССР. Общая численность агулов, по переписи 1979 г., около 12 тыс. человек.

Происхождение, этническая история, культура и социально-экономическое развитие, а также исторические контакты агулов в дореволюционном кавказоведении еще не были предметом специальных исследований. Сейчас благодаря работам Б. А. Калоева, А. Р. Шихсаидова, Х. Х. Рамазанова, Л. И. Лаврова, Ш. М. Ахмедова и др. мы имеем уже довольно явное представление об экономическом и социальном устройстве агульского общества главным образом в XVIII—XIX вв., об их традиционной одежде и пище, архитектуре и некоторых памятниках материальной культуры XII—XIII вв. Что касается происхождения и этнической истории агулов, то они по-прежнему изучены мало. Это объясняется тем, что агулы — народ бесписьменный. Археологические и этнографические исследования, которые могли бы многое прояснить, по комплексной программе на территории расселения агулов еще не проводилось. Отдельные древнейшие датированные памятники — арабские куфические надписи, найденные в агульских селах, — относятся к XII—XIII вв.¹ Свидетельства иноязычных письменных источников также скудны. В частности, как считают некоторые исследователи, упоминание об агулах («агутаки») имеется в Армянской географии VII в. н. э.² Это упоминание, если оно верно идентифицировано, дает основание предположить, что агулы составляли самостоятельную этническую единицу уже к VII в. и, судя по куфическим надписям в Риче, Буркихане, Тпиге, Кураге и Буршаге³, были расселены в пределах той же территории, которую они занимают сейчас. Но с помощью этих сведений этническая история их проясняется мало. Какие источники можно было бы привлечь дополнительно?

По-видимому, прежде всего данные языка. Следует отметить, что начало изучению агулов было положено лингвистами, первым среди которых был Эрккерт, представивший в 1895 г. самые общие сведения об агульском языке⁴.

К 1907 г. относится подробное описание агульского языка на базе буркиханского говора А. М. Дирром⁵. В 1941 г. Р. Шаумян публикует свой «Грамматический очерк агульского языка», написанный на основе кошанского диалекта⁶. С 50-х годов агульским языком занимается А. А. Магомедов, опубликовавший ряд работ, среди которых и монография «Агульский язык», учитывающая данные всех основных диалектов⁷. О фонологической системе агульского языка писал Н. С. Трубецкой⁸. Результат этих и ряда других исследований — довольно полно представленный синхронный план фонетического и грамматического строя языка. Однако для исторической науки важны прежде всего выводы сравнительно-исторического и исторического языкознания, а в этом плане агульский язык, как и другие языки лезгинской группы, почти не изучался. Это связано с дополнительными трудностями на пути использования языка в качестве исторического источника, но не отменяет возможности его изучения как живого памятника истории народа.

Итак, какие же исторические сведения об агулах могут быть почерпнуты из их языка?

Самоназвание агулов — *aḡular* (*aḡusujar*) — означает «жители Агула, живущие в Агуле». Первая, корневая часть самоназвания выступает и как компонент географического наименования Агулдере («территория Агул», «ущелье Агул»). Этимологический смысл ее неясен, но она вполне может быть соотнесена с другими названиями, в первую очередь географическими, которые в срединной и заключительной частях звучат примерно так же, отличаясь начальной частью, — ср. Магудере «ущелье Магү (Мугү)», примыкающее к территории агулов с юга, *ḡuriḡ* «ущелье перед селом Рича» и др. Это дает основание заключить, что Агул первоначально было названием географическим, топонимическим, лишь потом ставшим частью этнонима.

Этническая территория агулов в XIX в. включала 21 населенный пункт, каждый из которых имел самобытное название. Однако обращает на себя внимание факт, что некоторые населенные пункты имеют не одно название. Например, Буркихан — официальное название селения, расположенного к северо-востоку от районного центра Тпига. Даргинцы и лакцы называют его Буркахан, Бурхихан, Мулькахан. Сами же буркиханцы и вообще агулы употребляют исключительно *Gexuḡ*, *Dexuḡ*. Тпиг тпигцы и большинство агулов называют Тираḡ, буркиханцы — *Tiwiḡ*, а даргинцы и лакцы, ближайшие северные соседи агулов, — *Tulmuḡa*. Хутхул, населенный пункт юго-восточнее Тпига, самими его жителями и большинством агулов так и называется, но существуют и другие местные варианты — *ḡudḡul*, *Xulxul*, и т. д. Если попытаться проанализировать названия населенных пунктов с точки зрения их внешnezвуковой и грамматической структуры, то получается довольно сложная картина: те из них, которые расположены в Кошандере (территория распространения кошанского диалекта), оканчиваются на *-uḡ(-aḡ)*, ср. *Jaḡ uḡ* (Яркуг), *Kuḡaḡ* (Кураг), *Arḡuḡ* (Арсуг), *Burḡaḡ* (Буршар), также *Dulduḡ* (Дулдуг), что предположительно может быть истолковано как падежный аффикс, выражавший пространственное (*diffusivus*) значение. Если даже концовка эта не увязывается с грамматическими показателями, то одинаковое оформление финалов указанных топонимов нельзя не рассматривать как свидетельство синхронности возникновения соответствующих населенных пунктов; другие, например *Ḥa'* (Рича), *ḡwa'* (Гоа), *Misi'* (Миси) оканчиваются на *-'*, напоминающее формант другого локатива (*inessiv*); третьи, например, *Usuḡ* (Усуг), имеют концовку, внешне совпадающую с *adessivus* на *-h-*; четвертые, например Дуруштал (Дуруштул), — *superessivus* на *-l-* и т. д. При всем том, что история приведенных финалов требует дальнейшего осмысления и объяснения на основе применения сравнительно-исторического метода, все же не лишено основания считать их застывшими локативами. Гораздо сложнее обстоит дело с этимологизацией тех частей соответствующих топонимов, которые предшествуют предполагаемым локативным аффиксам: лишь отдельные из них пока позволяют строить догадки о первоначальных значениях их корневых элементов. Например,

Усуг может быть возведено к *us-su-h → ussuh «место у горы, перед горой»; Са' (Рича) — к *es- '«в овраге»; довольно прозрачна этимология нынешнего официального названия Gexūp — Буркихана, которое утвердилось, по-видимому, в XVII—XVIII вв., когда Gexūp оказался в руках казикумухских ханов. Интересно, что в военных рапортах русского майора Рябина на имя генерал-майора Хатунцова, относящихся к 1813—1815 гг., Буркихан, остававшийся в руках ханов до 1820 г., именуется Бурхайхан и Бурхайкенд⁹. Так же называли его, как уже говорилось, даргинцы и лакцы. Ясно, что топоним Буркихан — это имя одного из казикумухских ханов, Бурхай-хана, во владение которого Gexūp перешел в XVII—XVIII вв. Абсолютное же большинство корней топонимов вообще не поддается каким бы то ни было толкованиям — ср. Дурушт-ул, Тупаг (Тпиг), Хутхул, Арс-уг, Кур-аг и пр. А такие наименования, как Gexūp, Fut (Фите) и некоторые другие, оказываются неясными даже по их структуре.

Исторически выявляемое разнообразие структуры топонимов существенно в плане построения гипотез об относительной хронологии возникновения соответствующих населенных пунктов.

Трудность выявления значения названий почти всех агульских населенных пунктов свидетельствует об их глубокой древности. Не исключено, что многие из них являются субстратными. Правомерность такого вывода вытекает, в частности, и из того, что лишь единицы из рассматриваемых топонимов включают в себя компонент hūg, xūg, обозначающий по-агульски «село, селение», как это имеет место, например, в названии Хуредж *xūg-edž(er). Зато топонимы, называющие исчезнувшие населенные пункты, обязательно содержат этот компонент, что естественно: после гибели населенных пунктов названия их лишились смысла, слова потеряли реальную внутреннюю связь с тем, что они обозначали, а это вызвало необходимость «оживить» внутреннюю форму топонимов посредством прибавления к первичным именам второго корня — хиг. Так складывается языковой парадокс: компонент, обозначающий «село, селение», входит почти исключительно лишь в названия не существующих уже населенных пунктов.

Древнейшие исторические упоминания об агульских населенных пунктах относятся к X в. Так, в «Истории Абу-Муслима», считающейся памятником X в., среди многих других населенных пунктов Южного Дагестана встречаются также Рича и Tījū¹⁰, причем последний в своем звучании почти полностью совпадает с тем, как поныне Тпиг называется буркиханцами. Датированные культовые памятники, например Ричинская соборная мечеть, сохранившаяся до наших дней, относятся к XII в. Однако все исследователи, касающиеся древнего периода истории агулов, не без основания возводят первые агульские населенные пункты ко времени, значительно предшествовавшему началу арабских завоеваний (VII—VIII вв.). Дошедшие до нас селения — это не первое поколение агульских населенных пунктов: первые погибли, о чем свидетельствуют их остатки почти по всей территории расселения агулов.

Из всех языков лезгинской группы, куда обычно относят собственно лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, арчинский, крызский, будухский, хиналугский и удинский, агульский ближе всего к лезгинскому и табасаранскому. Это подтверждается их фонетическими системами, грамматикой и лексическим составом. Следовательно, древневосточнолезгинский диалект, составлявший часть лезгинского праязыка, распался на отдельные восточнолезгинские языки — собственно лезгинский, табасаранский, агульский — относительно поздно. Когда же это произошло? Ответить на этот вопрос вполне определенно — сложно. Однако в качестве одного из рабочих приемов для установления относительной хронологии этого процесса можно использовать метод Морриса Сводеша.

Как известно, М. Сводеш с помощью метода радиоуглеродной датировки разработал систему лексико-статистического датирования, основывающуюся на предположении, что «во всех языках та часть лексического запаса, которая

обозначает коренные, фундаментальные и вместе с тем обыденные понятия, в противовес специальной, или так называемой „культурной“, части словаря изменяется с относительно постоянной скоростью. Благодаря этому на основе процента сохранившихся элементов в соответствующем образе отобранном опытным словаре можно установить количество истекшего времени»¹¹.

В соответствии с методологическими и методическими установками М. Сводеша в качестве опорного материала нами были взяты по 200 агульских и лезгинских слов, адекватных 200 английским словам из списка Сводеша. Список этот нельзя считать безупречным: он не свободен от некоторых заимствований, иногда общих для обоих языков, иногда характеризующих один из них. Вместе с тем несколько слов не могут повлиять на принципиальные выводы. Среди приведенных в списке оказываются и такие слова, которые в одном из сопоставляемых языков сохраняются как синонимы, а вторым утрачены, но время утраты неизвестно. При этом более устойчивым выступает агульский. И еще одна трудность: нередко генетически близкие слова настолько изменились фонетически, что едва ли правильно продолжать считать их однокоренными в синхронном плане. Если отвлечься от всех этих моментов и отнести к общему для обоих языков фонду и заимствования, о которых шла речь и которые, несомненно, восходят к отдаленным временам, и слова, подвергшиеся основательным фонетическим изменениям, то выходит, что из 200 слов, соответствующих перечню Сводеша, в качестве общих для сопоставляемых языков сохраняется 92, что составляет 46%. Таким образом, лексический состав их изменился больше чем на половину (на 54%). Такие изменения, согласно таблице М. Сводеша, могли произойти на протяжении 19 столетий. Следовательно, древневосточнолезгинский диалект распался на три самостоятельных языка где-то на рубеже нашей эры. При более строгом отборе единиц общего фонда совпадения составляют 35% и границы выделения тех же языков отодвигаются соответственно к середине I тыс. до н. э.

О времени возникновения агульского языка, как и других языков лезгинской группы, можно предположительно судить также по некоторым до сих пор сохранившимся в нем заимствованиям из древних цивилизаций. Так, в современном агульском языке значение «очень много, безмерно много» передается словом элам: *elamsej* «очень много вещей», *elamxalk* «тьма народу», *elamxalk-din urih* «перед огромным стечением народа». Обращает на себя внимание устойчивость сочетания *elam-xalk*, которое аналогично сочетаниям, служащим для обозначения этнической принадлежности, — ср. *igus xalk* «русский народ», *gurzi xalk* «грузинский народ», *'gab xalk* «арабский народ» и т. д. Не является ли исторически и сочетание *elam xalk* этническим названием — «эламский народ (народ элама)», названием народа, населявшего некогда север нынешнего Ирана¹² и вошедшего в языковую память предков лезгинских племен в виде обозначения количества в результате определенных трагических событий? Если рассматриваемая форма действительно является отголоском об эламитах, тогда она, с одной стороны, служит дополнительным подтверждением правильности выводов лексикостатистики о времени образования восточнолезгинских языков (середина I тыс. до н. э.), с другой — может быть квалифицирована как факт, сигнализирующий о направлении миграции пралезгинских племен с юга на север, к местам современного их расселения.

В плане гипотетической реконструкции исторических связей пралезгинских племен примечателен и следующий факт: в современном агульском языке бытует слово *фулан* (фулан), которое выступает в значении неопределенно-указательного местоимения «такой-то» — ср. *fulan insan* (такой-то человек), *fulan muk* (такое-то место), *fulan waxt* (такое-то время). Этимологический смысл его неясен. Не имеет ли оно отношения к тому Филану, который упоминается в сообщении арабского источника IX в. ал-Балазури о «царях» Дагестана, якобы правивших в VI в.? Среди правителей перечисляются «владелец Сарира, табасараншах и цари ал-Лакзов, Филана и Ширвана»¹³. Как бы ни обстояло дело с этим конкретным примером, ясно одно: для изучения древней истории

дагестанских народов, в том числе и южнодагестанских, принципиально важно комплексное привлечение собственно исторических, этнографических и лингвистических данных, которые должны подвергаться тщательному сопоставительному и историко-сравнительному анализу.

Анализ лексики агульского языка с точки зрения ее происхождения показывает, что в ее составе значителен пласт персидских, арабских и тюркских заимствований. Наибольший интерес среди них по многочисленности и глубине освоения представляют персидские (иранские) заимствования. Как и когда последние могли проникнуть в бесписьменный агульский? Ведь агулы с тех пор, как они расселились по территориям в современных границах (а это случилось, по данным лексикостатистики, на рубеже нашей эры или раньше), не граничили с ираноязычными народами. Соседями их с давних времен являлись на севере даргинцы и лакцы, на юге — лезгины, на востоке — табасаранцы, на западе — рутулы. С единственным географически ближайшим ираноязычным народом — татами — они не имели общих границ: между агулами и татами простиралась территория расселения лезгин и табасаранцев. Остается предположить, что контакты с ираноязычными народами агулы могли иметь лишь тогда, когда жили на территориях, не исключавших возможности их тесного общения. Причем, судя по тому, к каким сферам жизни относятся заимствования, контакты эти были достаточно тесными и длительными. Следовательно, как сам факт иранских заимствований, так и объем и глубина проникновения их в агульский, несомненно, должны быть признаны еще одним аргументом в пользу существования восточнолезгинских языков уже задолго до арабских завоеваний. Они свидетельствуют о том, каково было направление миграции агулов к местам исторически подтвержденного их расселения. Можно, однако, возразить, насколько убедительны и доказательны утверждения о хронологической первичности именно иранских заимствований, а не арабских и тюркских.

Но это возражение достаточно легко опровергается результатами лингвистического анализа заимствованной лексики, которая вполне поддается стратификации и классификации по разным признакам. Иранские заимствования наиболее многочисленны, разнообразны и охватывают почти все сферы жизни. Они фонетически и грамматически ничем не выделяются среди слов аборигенного происхождения, составляют неотъемлемую часть основного словарного фонда и вследствие этого полисемантичны. К ним ближе арабизмы, но они обслуживают главным образом сферы, связанные с религией, первоначальным образованием, интеллектуальной жизнью, этическими и другими понятиями. Их фонетический облик говорит об их иноязычном происхождении, они чаще всего составляли и до сих пор составляют принадлежность возвышенной речи. Еще более очевидна иноязычность тюркизмов. Сказанное позволяет выделить в заимствованиях три исторических пласта, из которых верхний (более поздний) сложен из тюркизмов, срединный — из арабизмов, глубинный — из иранизмов. Этот вывод не противоречит распространенному в исторической и этнографической литературе тезису о давности ирано-дагестанских связей. В дополнение к уже упоминавшимся суждениям такого плана сошлемся еще на одно. М. М. Ковалевский, выделяя эндогамию как черту дагестанскую, в отличие от других северокавказских народов писал: «Ни у кого, кроме жителей Дагестана, мы не находим того предписания, что в брак следует вступать исключительно с женщинами собственного рода, что такой брак почетнее, что принадлежность к роду надо предпочесть и богатству, и общественному положению невесты»¹⁴. А это в свою очередь объясняется, по М. М. Ковалевскому, древнеиранским влиянием. «По словам арабских летописцев, — пишет он, — до распространения ислама жители Дагестана были «езидами», т. е. последователями того религиозно-нравственного учения, выразителем которого является Авеста. Брак на родственнице не только воспрещен, но, наоборот, рекомендуется священной книгой Ирана, нет ничего удивительного поэтому, если встречаем его и в среде жителей Дагестана»¹⁵. Кстати, примечательно, что, например, жители селения Хутхул представителями других агульских сел до сих пор

называются йезндами. Интересные сведения, подтверждающие предположения М. М. Ковалевского, содержат также собранные автором этих строк полевые фольклорные материалы, которые требуют отдельного рассмотрения.

Таким образом, в древности агулы, как и все пралезгинские племена, занимали территорию много южнее той, на которой они живут ныне. В процессе распада пралезгинской этнической общности и образования народов лезгинской группы существенную роль играли, видимо, военные столкновения с иными, более сильными племенными образованиями и народами, в результате которых пралезгинские племена волнами оттеснялись все дальше в горы. Это подтверждается и исторически фиксированной картиной расселения современных народов лезгинской группы¹⁶. Отсюда следует, насколько важно для изучения древней и средневековой истории народов Южного Дагестана выявить их связи с Кавказской Албанией, и с древним Ираном, и с другими государственными образованиями того времени, пользуясь данными и возможностями разных наук, в том числе и палеолингвистики.

В заключение следует отметить, что в исследованиях по истории лезгинских языков, в которых рассматриваются вопросы генезиса этих языков, хронологический аспект почти полностью выпадает из поля зрения. Так, в одной из последних по времени работ, посвященных генетической классификации лезгинских языков, М. Е. Алексеев, объединив эти языки в три группы (восточнолезгинскую — лезгинский, табасаранский, агульский; рутульско-цахурскую — рутульский, цахурский; шахдагскую — крызский, будухский) и выделив арчинский и удинский языки как раньше всех отделившиеся, совершенно не касается вопроса о том, когда приблизительно упомянутые группы складываются¹⁷. К тому же весьма спорна и лишена аргументации и та последовательность выделения каждого из лезгинских языков, которая показана в схеме филиации общелезгинского языка-основы¹⁸. Ученый предполагает, что существовал период табасаранско-агульского языкового единства, наступивший после выделения собственно лезгинского языка. Основанием для подобного предположения он считает, по-видимому, тот факт, что в данных, полученных им при сравнении «стословных списков слов методами глоттохронологии», процент лексических совпадений между лезгинским и агульским равен 53, лезгинским и табасаранским — 50, табасаранским и агульским — 69¹⁹. При том остается неясным, какие лексемы и как сопоставлялись. Как бы то ни было, если учесть, что агульский включает в себя три довольно резко противопоставленных друг другу диалекта, существенно отличающихся и по лексике, то, естественно, возникает вопрос: какой из этих диалектов был ведущим в сопоставлениях с табасаранским языком? В любом случае 69% лексических совпадений между агульским и табасаранским также сомнительны, как и 53% между агульским и лезгинским. Любые выводы подобного плана окажутся неверными до тех пор, пока они не будут опираться на четкое и последовательное отграничение автохтонного, самобытного от заимствованного, равно как и ограниченно-диалектного от общезыкового. Между тем в упомянутой статье М. Е. Алексеева эти моменты не учитываются. К примеру, ряд изоглосс иллюстрируется словом «арс» (что значит «серебро, деньги»), являющимся заимствованием во всех языках, о которых идет речь; слово *kuṣal* («неправда, ложь»), которым иллюстрируется одна из табасаранско-агульских изоглосс, в последнем также является заимствованием из табасаранского, распространенным в основном в кошанском диалекте, исторически тесно связанном с табасаранским языком; и т. д.

В плане создания необходимых предпосылок для решения проблем этногенеза дагестанских народов описательное, описательно-историческое и сравнительно-историческое изучение как отдельных языков, так и их групп²⁰ остается одной из главных задач дагестановедения.

Примечания

- ¹ Калоев Б. А. Агулы (Историко-этнографический очерк) // Кавказский этнографический сборник, III. М.; Л., 1962. С. 73—74; Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Надписи X—XVII вв. М., 1966. С. 81—83, 185—188.
- ² Агулы (Сборник статей по истории, хозяйству и материальной культуре). Махачкала, 1975. С. 11.
- ³ Калоев Б. А. Указ. раб. С. 73.
- ⁴ Erckert R. Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien, 1895.
- ⁵ Дирр А. М. Агульский язык // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, 37. Тифлис, 1907.
- ⁶ Шаумян Р. Грамматический очерк агульского языка. С текстами и словарем. М.; Л., 1941.
- ⁷ Магометов А. А. Агульский язык (Исследование и тексты). Тбилиси, 1970.
- ⁸ Трубецкой Н. С. Системы согласных в восточнокавказских языках // Избранные труды по филологии. М., 1987; и др.
- ⁹ Тексты рапортов см. Калоев Б. А. Указ. раб. С. 75.
- ¹⁰ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 38—39.
- ¹¹ Сводеш М. Лексико-статистическое датирование доисторических этнических контактов // Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1970. С. 24—25.
- ¹² Хинц В. Государство Элам (пер. с нем.). М., 1977.
- ¹³ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. раб. С. 25.
- ¹⁴ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе Т. II. М., 1890. С. 142.
- ¹⁵ Там же. С. 143. См. также Лавров Л. И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924—1978 гг.). Л., 1982. С. 147.
- ¹⁶ См. также Марр Н. Я. Кавказоведение и абхазский язык // Избранные работы. Т. I. Л., 1933. С. 67; Климов Г. А. Кавказские языки. М., 1965. С. 3—26, 82—100.
- ¹⁷ Алексеев М. Е. К вопросу о классификации лезгинских языков // Вопр. языкознания. 1984. № 5. С. 88—94.
- ¹⁸ Там же. С. 92.
- ¹⁹ Там же. С. 91.
- ²⁰ См., например, Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971.